После того как отгремели положенные «девятью девять» — восемьдесят один удар небесного грома — над горами пролился дождь. Воздух всё еще полнился едва уловимой, живительной влагой.

У подножия синих каменных ступеней стояли двое. Оба выглядели молодо, но тот, что стоял на самой тропе, казался гораздо взрослее и сдержаннее. Он нахмурился — в каждом жесте сквозила тревога. Он то и дело всматривался в дальний конец горной тропы, не замечая пронизывающего ветра, что трепал его одежду.

Маленький ученик, примостившийся чуть позади у скалы, уже едва держался на ногах — его уставное парчовое одеяние плохо защищало от холода.

— Патриарх-наставник, — робко начал он, — может, вам стоит вернуться? Прошло уже два дня. Как только шишуцзу выйдет, мы тут же пришлем весточку…

На полпути к вершине стояли деревянные хижины для отдыха. Если бы не Глава школы, адептам не пришлось бы дежурить здесь, сменяя друг друга.

Янь Пинжань обернулся и бросил на ученика короткий взгляд:

— Всё еще не возвел Основание?

— Почти, — ученик заметно оживился. — Места, где медитировал шишуцзу, полны тайного смысла. Хоть я и не всё понимаю, но чувствую проблески озарения. Старшие братья из Зала Проповедей велели не торопиться, говорят, возведение Основания должно быть естественным, как «вода, наполняющая русло», так что я пока… сдерживаюсь.

— Что ж, разумно, — кивнул Янь Пинжань. — Но без Основания ты не выдержишь этого ветра. Возвращайся, отдохни. Я сам его дождусь.

— Как же так? — ученик слегка качнул фонарем, который держал с самой ночи. — Глава школы — это Глава школы, а не фонарщик.

Янь Пинжань невольно рассмеялся:

— Дела твои плохи, зато язык остёр! Ладно, запомни: «каждому по способностям». Нечего тут мерзнуть. Иди же — или мне тебя лично проводить?

Мальчишка растерянно взъерошил волосы. Поняв, что Глава не шутит, он поплелся вниз, то и дело оглядываясь:

— Тогда… Патриарх-наставник, вы тоже берегите себя! Вы же здесь двое суток на ногах!

Янь Пинжань лишь отмахнулся.

Он и сам бы рад уйти — горный ветер хоть и не вредил ему, но порядком раздражал. Однако боялся, что стоит отвернуться, и всё пропустит.

Лишь когда солнце поднялось высоко, разогнав остатки тумана, в конце тропы показался силуэт в белом. Человек шел неспешно, размеренно, словно прогуливался по саду.

Янь Пинжань облегченно выдохнул.

Когда тот подошел ближе, Глава выдавил из себя улыбку:

— Ты благополучно вышел из затвора.

Пришедший окинул его холодным взглядом и едва заметно кивнул:

— Старший брат Янь.

В его словах сквозило уважение, но не было и тени почтения. Впрочем, Янь Пинжань не принимал это на свой счет. Юнь Няньчэнь всегда был таким: наделенный запредельным талантом, он при этом отличался ледяным нравом. Кроме нескольких близких соучеников, он попросту никого не замечал.

Янь Пинжань не был его прямым учеником одного наставника, так что тоже попадал в категорию «тех, кого не стоит замечать». То, что Няньчэнь вообще поздоровался, уже считалось верхом вежливости.

К тому же… Глава знал, что Юнь Няньчэнь, скорее всего, его ненавидит.

Эта мысль тяжелым камнем лежала на сердце, и лучше было в нее не углубляться. Янь Пинжань полез за пазуху и выудил небольшой мешочек.

— С тем смертным, что пострадал прошлой ночью… я отправил Хэчжоу во всём разобраться. Ту чашу тоже принесли обратно. Не хочешь взглянуть?

— Человек жив?

— Жив. Доставили к Цзиньсю, — Янь Пинжань улыбнулся, словно пытаясь задобрить ребенка.
— Не хочешь навестить?

— Я не умею исцелять, — ровным голосом ответил Юнь Няньчэнь, даже не думая сворачивать с

тропы.

Он на миг задержал взгляд на мешочке. Едва уловимое движение мысли — и мешочек вместе со всем содержимым мгновенно обратился в прах.

Янь Пинжань опешил:

— Я… я думал, ты захочешь оставить это на память.

— Это всего лишь безделушка, которую старший брат сжёг ради забавы в юности. У меня в покоях полно таких, — Юнь Няньчэнь опустил глаза, а затем вновь посмотрел на Главу: — Кстати, я спускаюсь с горы.

Янь Пинжань:

—…?!

Проклятье, хорошо, что он его подкараулил!

— Это совершенно исключено, — Янь Пинжань максимально смягчил тон, стараясь говорить убедительно. — Послушай, на задних склонах в последние годы неспокойно. Времена нынче не те, и в школе, кроме тебя, присматривать за этим некому. К тому же я каждый год рассылаю объявления о поиске, но вестей до сих пор нет. Твой спуск ничего не решит… Да и если ты уйдешь сейчас, кто будет задавать трепку Фан Минсю?

Юнь Няньчэнь, собиравшийся продолжить путь, замер и обернулся:

— Зачем мне тратить на него время?

Он только вчера выставил этого Фана за дверь. Не стоило преследовать поверженного врага, да и к тому же…

Он презирал Фан Минсю.

— Школа Пурпурных Облаков созывает практиков со всего мира обсуждать явление демонов. Приглашение прислали кому угодно, только не нам! А ведь в былые времена именно твой наставник запечатал вход в Бездну Демонов! Я считаю, по всем законам справедливости, нам стоит выказать своё негодование, верно? Нельзя позволять им думать, что Бессмертная школа Небесных Звезд — это мягкая груша, которую каждый может потискать.

«В былые времена…»

Юнь Няньчэнь усмехнулся, опустив глаза, а мгновение спустя поднял голову:

— Делай что хочешь.

Сказав это, он продолжил спуск.

Янь Пинжань застыл:

— Ты всё-таки уходишь?

— Да, — Няньчэнь даже не обернулся.

— Юнь Няньчэнь! — Янь Пинжань впервые заговорил серьезно, повысив голос. — Ты ведь только вернулся из странствий перед затвором!

— Мой затвор длился двести лет.

Юнь Няньчэнь шел неспешно, но его шаг был странным: одно мгновение — и его силуэт уже растаял вдали, лишь голос прилетел обратно с горным ветром:

— Я наконец-то достиг успеха в практике. Неужели старший брат Янь будет контролировать даже мои прогулки?

—…

«Прогулки? Мозги себе прогуляй!» — подумал Янь Пинжань. Неужели он в это поверит?

Впрочем, вера тут ничего не решала. С тех пор как того человека не стало, в Бессмертной школе Небесных Звезд не осталось никого, кто мог бы обуздать Юнь Няньчэня. Двести лет назад Янь Пинжань, рискуя жизнью, едва сумел притащить почти впавшего в безумие Няньчэня назад и запереть на пике Бэйчэнь. Теперь же, когда тот прорвался в царство Гуй-и, у Главы не было ни прав, ни сил его удерживать.

Янь Пинжань в сердцах выкрикнул:

— Если ты уйдешь, что станет со школой?!

Если бы он не побоялся пуститься вдогонку, этот крик, усиленный эхом ущелья, звучал бы даже величественно. Голос Юнь Няньчэня, который был уже далеко, едва донесся до него:

— Я буду присматривать.

— Присматривать? Будешь приглядывать за нами с того света, что ли? — Просчитав, что Юнь Няньчэнь уже наверняка покинул пределы школы, Янь Пинжань перестал сдерживаться и ворчливо пробормотал: — Скоро ежегодная церемония вступления новых учеников. На пике Бэйчэнь тоже пора менять слуг. Если ты такой способный, явись и посмотри им в глаза!

***

Юнь Няньчэнь не слышал этого бормотания. Следуя за едва уловимым следом, он в мгновение ока добрался до окраин городка Муфу.

Он был здесь впервые, но благодаря ночному духовному видению место казалось знакомым.

Уровень воды в озере заметно упал.

Няньчэнь обошел половину берега и остановился там, где его меч разнес чашу в щепки, изучая остаточное дыхание в воздухе.

Наконец он дошел до места, куда рухнул отлетевший ученик школы Пурпурных Облаков.

Прошло совсем немного времени, на земле еще виднелись темные пятна крови. Юнь Няньчэнь присел и коснулся почвы, растерев комок земли между пальцами.

Тонкая струйка черного тумана, невидимая для обычного глаза, вырвалась из земли и, словно ведомая незримой силой, змеей скользнула к сердцу Юнь Няньчэня. Он нахмурился, а мгновение спустя тихо, с горькой усмешкой, произнес:

— Зловещая аура… Значит, вы всё-таки осмелились вылезти.

Едва слова сорвались с губ, белая фигура исчезла, словно ее и не было.

***

Се Линь открыл глаза. Первое, что он увидел, — искусно вырезанный на потолке узор из извивающихся драконов. Комната была обставлена с таким изяществом, что даже деревянная рама кровати была украшена резьбой с мифическими зверями. Се Линю показалось, что сам воздух здесь пропитан ароматом золота, и он невольно сделал глубокий вдох.

… А в следующее мгновение в груди и животе так резануло, что искры из глаз посыпались. Рана тут же напомнила о себе.

Классический пример того, как радость сменяется страданием.

В момент прибытия в школу Се Линь ненадолго приходил в себя. Он слышал, как И Хэчжоу говорил, что ему нужно отчитаться о выполнении задания, и поручал его какому-то младшему ученику: «Отнеси его в беседку Далекого Аромата, пусть шишуцзу Чу осмотрит».

Где эта беседка и кто такая эта Чу, Се Линь не имел ни малейшего понятия. Он лишь чувствовал сквозь марево беспамятства, как его несет что-то мягкое, но надежное. В ноздри забивался запах влажной травы, доносились обрывки чужих голосов — двое учеников о чем-то весело болтали. Сквозь веки пробивался теплый солнечный свет, и атмосфера была настолько умиротворяющей, что он вскоре снова провалился в сон.

Проснулся он уже здесь — видимо, в той самой беседке Далекого Аромата.

По натуре Се Линь не мог долго валяться без дела. Как только боль немного утихла, он попытался подняться.

То ли ему казалось, то ли нет, но каждый раз после сна он чувствовал себя всё бодрее. Теперь, если не обращать внимания на тянущую боль, рана почти не мешала двигаться.

Он уже собрался спустить ноги с кровати, как вдруг боковым зрением заметил высокую фигуру в белом, которая бодрым шагом выскочила из комнаты. Другой такой же силуэт налил воды из чайника и, изящно семеня, поднес чашку к кровати.

Се Линь опешил и лишь через секунду понял, что именно эти существа несли его, пока он был в отключке.

«Это что… бумажные человечки?»

Марионетка была ростом с человека, работа грубоватая — словно вырезали на скорую руку, но движения были настолько естественными, что Се Линь, принимая чашку, машинально выдавил:

— Спасибо.

В ответ бумажный человечек прижал свои длинные «руки» к пустой круглой голове — жест, подозрительно напоминающий смущение, — и кокетливо качнулся из стороны в сторону.

… Оказалось, бумажные марионетки тоже бывают застенчивыми.

После ледяных мечей и молний эта бытовая магия поразила Се Линя куда сильнее. Он мелкими глотками прихлебывал воду, придерживая края халата, и подошел к двери. Перед ним

распахнулся вид на окутанные туманом горы, ровные ряды домов и ухоженные сады. В небе клином пролетали диковинные звери, а совсем рядом крошечные бумажные человечки таскали воду в огород.

Мир не слишком отличался от его представлений о подобных местах, но Се Линь, будучи «попаданцем» из современного мира, считал себя человеком искушенным. Однако это бесшовное сочетание дикой природы и следов бессмертных практиков в «благодатном краю» произвело на него сильное впечатление.

Он был почти тронут. В прошлой жизни у него не было возможности любоваться природными красотами, а в городке Муфу, где он прожил пятнадцать лет, пейзажи были скудными. Там не было таких величественных лесов и уж тем более бумажных марионеток-водоносов.

Наверное, именно в этот миг Бессмертная школа Небесных Звезд перестала быть для него просто строчкой из «Ежемесячного вестника Тяньшоу» и обрела плоть и кровь.

Пока он предавался раздумьям, к дому размашистым шагом подошла женщина, а за ней семенил тот самый долговязый бумажный человечек.

Полы ее одеяния развевались на ходу, а ярко-малиновый цвет ткани почти ослеплял. Се Линь бросил взгляд на гостью и тут же сконцентрировался на ее лице, не смея смотреть ниже.

Причина была проста: вырез на платье девушки был, мягко говоря, глубоковат, хотя взгляд ее оставался ясным и прямым — сразу видно, человек открытый и решительный.

— Проснулся? — молодая женщина остановилась перед ним.

Се Линь кивнул:

— Благодарю за заботу. Меня зовут Се Линь, а вас… как мне величать?

— Чу Цзиньсю, — ответила она. — Не зови меня «великой госпожой», не стоит. На вид тебе лет пятнадцать-шестнадцать, почти ровесник наших младших учеников. Можешь звать меня, как и они, — шишуцзу Чу.

Се Линь замялся:

— Я ведь не ученик вашей школы. Называть вас так… не совсем прилично.

— Но Хэчжоу сказал, что ты собираешься к нам поступать, — Чу Цзиньсю вскинула брови. — Ежегодная церемония как раз в следующем месяце, ты вполне успеваешь.

—…

Се Линь немного помолчал, а затем произнес:

— Мой приемный отец просил за меня культиватора И, но мне кажется это не совсем правильным. Думаю, когда рана заживет, я отправлюсь в Срединные земли и поступлю в академию вместе с младшим братом.

— Академия? Да разве сравнится она с настоящим орденом бессмертных? — Чу Цзиньсю говорила с жаром. — Нашей школе тысячи лет! Нынешний Глава — тридцать третий по счету, и знаешь что? Все предыдущие тридцать два успешно вознеслись! По количеству бессмертных мы первые в мире, кто посмеет оспорить наше лидерство? У нас лучшие наставники, полные собрания хроник, в библиотеке — уникальные свитки. Какую бы стезю ты ни выбрал, найдешь подходящую технику. Бессмертная школа Небесных Звезд — это место, которое по праву зовется Великим Орденом. Можешь смело вступать с закрытыми глазами! А потом и брата своего притащишь. Если пройдет испытание — сэкономишь кучу денег на обучении!

Се Линь:

—…

Странное чувство внутри него крепло с каждой секундой.

«Что не так с вашей школой? Почему вы буквально умоляете меня вступить?! Разве великие ордена не должны смотреть на всех свысока и воротить нос от каждого встречного?»

Где верность канонам жанра?!

— В любом случае мне нужно сначала залечить рану…

Почувствовав неладное, он решил прибегнуть к тактике затягивания времени. Но Чу Цзиньсю была не из робких. Она кивнула на его халат:

— Снимай рубаху, посмотрю.

Се Линь понимал, что это осмотр врача, но всё равно почувствовал неловкость. Благо рана была на спине, так что он мог отвернуться, распуская завязки.

Его промокшая одежда по какой-то причине всё еще оставалась влажной. И Хэчжоу обронил, что это «способствует восстановлению», поэтому Се Линь не решался ее менять, лишь набросил сверху чужой халат от ветра. Теперь, скинув лишнее, он обнаружил, что ему совсем не холодно.

Смущаясь, он прижал снятую рубашку к груди. В этот момент он почувствовал, как два теплых пальца коснулись кожи рядом с раной. Знакомое ощущение — прохладный, но в то же время согревающий поток влился в его тело.

Он долго вспоминал, где уже чувствовал нечто подобное, и наконец понял: это было в тот миг, когда сознание начало его покидать.

— Удивительно… Откуда на тебе эта вода? — в голосе Чу Цзиньсю слышалось неподдельное восхищение.

Се Линь растерялся:

— Это вода из нашего озера… Меня сбросили туда, и потом…

— Эта вода исцеляет твою рану, поэтому ты так быстро идешь на поправку, — заметив его недоумение, Чу Цзиньсю улыбнулась. — Что тут странного? У всего в мире есть дух, и не только адепты стихии воды могут врачевать. Думаю, если бы ты не упал в озеро, то погиб бы на месте.

Меч практика стадии Возведения Основания, пронзивший спину простого смертного… В любом другом месте и в любое другое время шансов выжить бы не было.

Се Линь моргнул, вновь вспомнив те странные, радостные голоса в воде:

— Но я ведь ничего для этого не делал…

— Есть люди, наделенные врожденным родством с природой. Им легче чувствовать духовную энергию неба и земли, и в практике они достигают успеха вдвое быстрее, — Чу Цзиньсю ласково улыбнулась и по-дружески хлопнула его по плечу. — Хм… и кости у тебя крепкие. Вижу, в тебе есть искра бессмертия. Раз уж ты всё равно здесь, почему бы не попробовать пройти испытание, прежде чем уйти?

Се Линь:

—…

«Раз уж ты всё равно здесь»?!

Разве великий старейшина великого ордена может выражаться такими клише?!

Но через пару дней у Се Линя пропало всякое желание спорить.

Рана затягивалась удивительно быстро, но потерянную кровь приходилось восстанавливать постепенно, так что он остался в беседке Далекого Аромата. Чу Цзиньсю, кажется, твердо решила заполучить его в школу. Каждый раз во время перевязки она без устали расписывала прелести Бессмертной школы Небесных Звезд, а в остальное время отправляла бумажных марионеток водить Се Линя по окрестностям.

Беседка Далекого Аромата занимала целую вершину, отделенную от других пиков глубоким ущельем. В горах царила тишина, и Се Линь часто слышал, как с другой стороны подвесного моста доносятся голоса учеников: кто-то зубрил каноны, кто-то упражнялся с мечом.

Поскольку он не владел магией, бумажные человечки не пускали его на мост, и ему оставалось лишь слушать. Честно говоря, судя по обрывкам фраз и величественному виду школы, это был самый настоящий, солидный орден. Се Линь никак не мог взять в толк, почему хозяйке аптекарского сада приходится заманивать смертных в ученики такими сомнительными методами.

В конце концов он списал это на то, что в беседке Далекого Аромата слишком мало учеников, и на один туманный слух, который он когда-то слышал.

Говорили, что Бессмертный покровитель Бессмертной школы Небесных Звезд — сумасшедший.

http://bllate.org/book/17439/1663153